

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие коллеги!

В этом номере журнала мы открываем новую рубрику «Те, кто сильнее нас», в которой будем рассказывать о судьбах тех, кто прошел через лечение. Это разные судьбы, разные истории. Каждая такая история — это путь победы, путь исцеления. Каждая история — это рассказ о «Те, кто сильнее нас».

Ведущая рубрики — журналист **Елена Станиславовна Вышинская**.

Ольга Башарина: «Вспоминается только хорошее!»

Коле Башарину в сентябре исполнится 4 года. Больше 2 лет назад ему была сделана трансплантация костного мозга. Сейчас он бодр, весел, покоряет глубокие лужи и возводит песчаные города. Его мама Оля рассказывает, как они узнали о страшном диагнозе «мукополисахаридоз», сколько лечились, с кем познакомились и что пережили за время Колиной болезни...

— Когда Коля родился, врачи в поликлинике нам сразу сказали: что-то все не совсем обычно. Но что именно не так, никто не понимал — детей с Колиным диагнозом они раньше не видели. Когда Коле было около 3 месяцев, тревогу забила окулист — она подумала, что у малыша катаракта, поскольку на его глазах появилась пленочка. Но диагноз окулиста не подтвердился, и нас направили к генетику. Потом мы сдали анализы, и я узнала, что оправдались худшие опасения врачей.

Была пятница. Это самый страшный день в моей жизни. Но когда я позвонила в лабораторию, чтобы понять, что все это значит, мне ответила заведующая, которая, узнав, что мы получили наш приговор накануне выходных, сказала, что болезнь лечится, и описала наши последующие действия.

— **И как вы жили до понедельника?**

— Я запретила своей семье искать информацию в Интернете. Попросила свою лучшую подругу Татьяну читать и рассказывать об особенностях заболевания и о том, к чему быть готовыми. Она ответственно изначала надежные источники, звонила, отчитывалась.

— **Какое самое важное решение Вы приняли в начале Колиной болезни?**

— Я решила, что все индивидуально, постаралась понять, что происходит, слушала врачей и рассчитывала на лучшее.

— **А дальше?**

— Переехали в Российскую детскую клиническую больницу (РДКБ), начали лечиться и ждать, когда найдется подходящий донор.

Заведующая отделением трансплантации костного мозга РДКБ Елена Владимировна Скоробогатова и ее команда, а также другие специалисты, которые наблюдали Колю, очень оптимистично меня настроили. И другие врачи, имена которых я сейчас уже могу и не вспомнить, но самих их, конечно, никогда не забуду, все убеждали меня, что все будет хорошо и не жалели времени объяснять, что происходит на данном этапе.

Сейчас я понимаю, что у меня нет плохих воспоминаний о времени, которое мы провели в РДКБ. И хотя рядом было много трагедий, я переживала за других деток и родителей, сочувствовала, соболезновала, поддерживала, но внутри я сохраняла веру, что к нам с Колей это отношения не имеет, и что Коля обязательно выздоровеет.

— *А как поддерживала Вас семья и друзья?*

— У нас большая и дружная семья, все живут в Москве недалеко друг от друга, наши с мужем родители дружат, братья, сестры, племянники... Поэтому поддержку мы чувствовали постоянно. И от друзей тоже. Но не всем друзьям мы рассказали подробности, уже не помню почему.

— *Донора костного мозга долго искали?*

— Достаточно быстро нашелся донор. За 4,5 месяца и фантастически удачный — 10 из 10 по показателям.

— *Это сейчас Вам кажется, что быстро, а тогда, наверное, были другие ощущения?*

— Сначала нашелся донор, у которого совпадение было 9 из 10, но доктора сказали, что надо искать еще.

В это время я решила съездить с Колей к Матроне Московской. Съездили, с детьми там без очереди везде пройти можно. Коля был у меня на руках, он потрогал своими ручками и икону. Я помолилась, попросила помощи. День был пасмурный. А когда мы вышли из храма — на несколько секунд выглянуло солнце, и пролился дождь. И я успокоилась, почувствовала, что все будет хорошо.

И, правда, нашелся удачный донор. Сейчас, когда прошло уже 2 года, мы знаем, что это взрослая женщина по имени Моника из Германии. Я написала ей письмо, она пока не ответила, но мы очень хотим с ней познакомиться.

А дальше — удивительно. В один из дней самолетом доставили мешочек с красной жидкостью, которая, как капельница, спасла Колину жизнь.

... Теперь уже пережив все самое страшное, хочу сказать, что многие вещи, которые в обычной жизни кажутся ужасом, тоже оказываются... обычной жизнью. Просто надо их правильно воспринимать: во время процедур Коля улыбался!

И про нашу жизнь в РДКБ вспоминаю только хорошее: как Новый год праздновали со всеми часовыми поясами — в соседних боксах были мамы с детьми со всей России, как делились друг с другом — я мамочек имею в виду — проблемами и радостями, как к нам в бокс в первый раз впустили папу Юру.

— *А последствия лечения как преодолевали?*

— Самое сложное, наверное, падение иммунитета и отставание в развитии. После выписки Коля подолгу

болел — простуды, вирусные инфекции. Но, опять же, настоящее чудо — на нашем пути появился удивительный доктор Елена Кронидовна Донюш. Благодаря ей Колино здоровье восстановилось. Нам все время встречались лучшие врачи! Или они все такие?!

А так как в больничном боксе я всегда была только в маске — Коля не видел артикуляции. И если к годику он уже начал произносить слова, то потом перестал. Но это, к счастью, уже наверстывается.

— *Вы с мужем по-разному воспринимали болезнь Коли?*

— Совсем по-разному. Юре было очень тяжело в начале его болезни, он даже говорил, что может не надо лечить Колю. А я была уверена, что если есть шанс — следует воспользоваться им обязательно. Но потом Юра тоже поверил, и я все время чувствовала его поддержку и любовь, знала, что мы вместе.

Меня накрыло, когда казалось, что все уже позади. Нас выписали, и я перестала спать. Я плакала и не знала, как жить дальше. В больнице всегда можно спросить врача, а дома мне стало страшно.

Но я думала, что это нормально. Рассказала подруге, она посоветовала мне психотерапевта. И с помощью разговоров, доктор даже плакала вместе со мной, и таблеток, уже совсем скоро я пришла в себя и лекарства она мне отменила.

— *Как налаживался быт, и восстанавливались связи после болезни?*

— Связи — быстро. На детской площадке, где мы гуляли с Колей до болезни, нам подарили велосипед.

Очень душевно приняли. Правда встречи с незнакомыми детьми и родителями, пока Коля в маске ходил, были нервными, с расспросами. Я быстро научилась отвечать взрослым, что иммунитет у ребенка слабый, а детям — что без маски ему нельзя. А когда люди уводили своих детей с площадки, подруга научила меня не переживать, а радоваться, что Коле достались все горки, качели и песок!

Быт пришлось перекроить. Джек-рассел-терьер Пуля переехал к моим родителям, наш аквариум на 550 литров купил друг-парикмахер, которому он давно нравился, цветы в горшках раздала, шторы сняли и убрали... Но теперь это уже позади и скоро к нам вернется Пуля.

— *Вы сейчас опять та самая Оля, которая была до Колиной болезни?*

— Конечно, нет. Мне кажется, я очень многое за то время поняла. Поняла, как важно оказывать и принимать помощь. Например, у фонда «Подари жизнь» есть такая донорская программа — когда нужна именно твоя кровь — тогда я все откладываю и мчусь. И что если не можешь помочь деньгами — помоги делом. Я, например, всегда встречаю в аэропорту семьи, которые лечились вместе с нами...

И я знаю, что сама жизнь и есть счастье. Пойти с ребенком в магазин без маски — счастье. Просто быть вместе с семьей и друзьями — счастье.

А самая большая радость — это непоседливый ребенок, который весело плещется в середине глубокой лужи.

Светлана Левицкая: «От лейкоза до бодибилдинга»

Герману Левицкому было 5 лет, когда он, здоровый и жизнерадостный мальчик, простудился. Температура скакала, анализы показали невероятные тысячи лейкоцитов. Врач местной Сергиево-Посадской больницы лично знала свою молодую коллегу из Московского областного онкологического диспансера в Балашихе, которую только что назначили заведующей отделением детской онкологии, — Светлану Рафаэлевну Варфоломееву и позвонила ей. Семья Левицких — папа Валера, мама Света и Герман — приехали на консультацию. Доктор не сомневалась в диагнозе — «острый лейкоз», но чтобы не ошибиться, попросила еще раз пересдать анализы в Морозовской детской больнице в Москве. Подтвердилось худшее. Было это 14 лет назад.

— Конечно, я ничего не знала в то время о лейкозе. За несколько лет до того как заболел Гера от этого заболевания умерла Раиса Максимовна Горбачева, — вспоминает мама Германа Светлана. — Это было мое единственное, как вы понимаете, очень отдаленное знание об этой страшной болезни. И нет слов, чтобы

объяснить мой ужас и мое непонимание происходящего. Единственным светлым моментом было то, что мы сразу попали именно к Светлане Рафаэлевне. Было видно, что она точно понимает и контролирует ситуа-

